

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ *Мариинский театр* Александра ДЕРБЕНЕВА
1994 - № 11-12 - с. 5

Восхождение к славе

И пресса, и публика именуют ГАЛИНУ ГОРЧАКОВУ звездой. Конечно, не ее одну, однако применительно к Горчаковой слово это приобретает, помимо привычного в мире искусств, еще и иной свой смысл. Талант актрисы и голос певицы подобно сиянию небесной звезды, ее мерцающему свету завораживают...

Звезда Горчаковой зажглась огнем прокофьевского "Ангела". Финальное парение Ренаты в лучах слепящих зрителей прожекторов стало символом восхождения певицы к славе. Эта параллель судеб героини и певицы, быть может, вернее всего характеризует свойство таланта Горчаковой. В лучших партиях певица неотделима от своих героинь — перед публикой предстают прокофьевская Рената, корсаковские Волхова и Феврония, пуччиниевская Тоска. Процесс постижения певицей художественного образа стихийно, бессознательно. Горчакова словно несет в себе мир Ренаты, Волховы, Тоски...

Вокальную технику Галины Горчаковой нельзя назвать совершенной. Но недостатки, которые погубили бы многих вокалистов, у Горчаковой становятся художественной особенностью. Нюансы мелодии, музыкальной фразы неожиданны, спонтанны. Они создают удивительное впечатление — непосредственно творимой музыки.

Тайна, кажется, заключена в самом тембре — столь он глубок, темн, чудесен. Палитра его красок определяет и облик певицы на сцене — словно это не артистка оперного театра, но жрица мистерии. Это она слышит зовы стихии подводного царства, она близит час преображения Китежа, она закликает духов.

Путь Горчаковой на Мариинской сцене начался с последнего — заклинания духов.

Напряженный психологизм прокофьевской драмы Горчаковой раскрыт нетрадиционно. Психологический мотив поступков и судьбы героини в каждом случае ускользает, не проявляется. Логика поступков Ренаты-Горчаковой спонтанна, непредсказуема, абсурдна. Перед публикой возникает мир не психологических переживаний, но — эмоциональных потрясений. Иная реальность, вторгаясь в мир Ренаты (Дэвид Фриман сделал это вторжение зримым, воплотив духов прокофьевской партитуры в актерскую плоть — мелованные тела гимнастов), провоцирует поступки-импульсы, а в итоге — судьбу. Судьбу героини, которая творима певицей: ее голосом, тембром, пластикой. Публика становится свидетелем лишь кульминационных моментов таинственного общения Ренаты и духов. Видимое и слышимое — лишь намек на тайну. Потому Горчакова так часто, замирая, прислушивается к чему-то и словно слышит (паузы в партии на редкость выразительны, заполнены не только пластически выраженными эмоциями, но наполнены особым ощущением певицы на сцене) невидимый нам мир.

В спектакле Фримана только одно моделирует адекватный мистической трактовке партитуры Прокофьева тип восприятия — голос Галины Горчаковой. Проникая в глубину его тембра, слух настраивается на созерцание...

В "Садко", как и в "Огненном ангеле", Горчакова не просто поет партию, но творит музыку и тайну. Фигуры в ее исполнении — не только музыкальный текст, но тот строй впечатлений, который возможно почувствовать, слушая шум ветра, плеск волн. Когда на песню Садко отзывается Волхова-Горчакова, границы спектакля словно разрушаются, открывая простор водной стихии. Время останавливается в ожидании чуда — и чудо происходит: из морской раковины поднимается прекрасная дева. В движениях Волховы-Горчаковой величавость и изменчивость, повторяемость и игра оттенками — то же, что и в музыке. Взмах руки и голос, зависший в воздухе, парящий длящимися звуками: интонация перетекает в жест. Их слияние завораживает. Облик Волховы-Горчаковой сродни музыкальной живописи Римского-Корсакова — и то, и другое пленяет оттенками светотеней, тем и другим невольно любующся.

Традиционный образ Волховы сложился таким, каким он был угадан Забелой и Неждановой: с гибким

хрустально-чистым голосом, легким, но и холодным. В облике Горчаковой иное: мягкость и свет. Свет струится из темла тембровой краски и не только. Кажется, весь облик Царевны, пристально и ласково смотрящей на Садко, излучает тепло и свет. Этот струющийся свет солнца любви завораживает публику, настигает он и Садко.

Уже в музыке дуэта Горчакова, словно открывая горизонт, находит тот тембр, производит то впечатление, которое повторится в финальной Колыбельной. Ее Волхова знает о грядущей судьбе. Интонации, тембр, жесты Волховы-Горчаковой меняются постепенно. Происходит нечто вроде динамического нарастания — к финалу. Только динамика здесь особая — динамика колорита. Переходы от одного состояния к другому подобны игре холодных и теплых тонов живописи импрессионистов. Зовы сменяются мелодией, величественность Царевны — взволнованностью в дуэте. В интонации радости (кульминация дуэта) появляется чувство. Оно озарит и Колыбельную. Как ни странно, а недостатки вокальной техники здесь уникально точно "работают" на образ: подобно тому, как ирреальна героиня, представшая перед Садко то ли видением, то ли грезой, голос Горчаковой то является и парит, то — исчезает, словно это ветер доносит из глубин Ильмень-озера зовы. В финале голос Горчаковой повисает в воздухе и буквально истончается филировками, создавая полную иллюзию волшебного исчезновения героини. Певица уходит со сцены, оставляя впечатление прекрасного образа, сплетаемого из тембра голоса, отзвучивающегося на тембр оркестра, движений, которые становятся музыкой, музыки, завораживающей зовами стихий.

Героини русских опер в исполнении Горчаковой нетрадиционны. Горчакова ломает сложившиеся представления, создает новый облик знакомых героинь. И для этих ее героинь нужен, по сути, новый театр, который требует столь же неожиданной, воз-

можно, парадоксальной трактовки классики, сколь свободен сам голос певицы, экспрессивны переживания ее "горячей" Ольги из "Псковитянки" — будто героиня эта вышла из-под пера автора не в девятнадцатом веке, а уже в нашем, двадцатом, одновременно с прокофьевской Ренатой. Ольге-Горчаковой словно бы тесно среди суровых декораций Федоровского, внутри решенного в традиционном псевдорусском стиле сюжета. Героиня Горчаковой существует параллельно этому старому спектаклю, вступая с ним в своеобразную полемику.

В "Сказании о невидимом граде Китеже", минуя традиционность режиссуры, Горчакова-певица совершает Горчаковой-актрисы переда-

ет смену внутренних состояний Февронии. В пении Горчаковой — тепло и радость православной литургии, в статике позы — иконописная динамика духовного преображения. Ее Феврония и не героиня в традиционном смысле этого слова, но запечатленный образ. Статика красоты и переживания радости бытия — состояние, органично присущее певческой индивидуальности Горчаковой.

Критики писали после премьеры "Китежа", что Горчакова была рождена, чтобы спеть Февронию. Впрочем, не следует забывать, что о ее Ренате говорили то же самое.

В каждом случае певица постигает музыкальный мир своих героинь. Оттого, может быть, так живы, так красивы эти героини, так по-особому театральны. Горчакова наполняет театр музыкой, преображая сценическое действие, становясь отдельным его сюжетом. В концертных же исполнениях, где действия, в привычном значении слова, нет, Горчакова сама становится целым спектаклем.

... "Сила судьбы", завершая фестиваль "Звезды Белых ночей", несла ощущение праздника. Без костюма и грима, вне предлагаемых внешней театральной обстановкой обстоятельств

Горчакова сотворила мир вердиевской героини. Одним только голосом. Одним музыкальным чувством, чутьем. После неуверенности в "Дон Карлосе" Горчакова обрела свободу и нашла верную манеру подачи, приспособив музыкальный стиль Верди к собственному.

После "Силы судьбы" вряд ли кому-либо придет в голову утверждать, что Горчакова — не вердиевская певица. А после "Тоски" — что не пуччиниевская. Ее голос поистине царил в концертном исполнении оперы. Огромный, он заполнял собою все пространство, был так свободен и красив, словно Пуччини и писал эти бесконечные мелодии, эти головокружительные кульминации для голоса Горчаковой...

Кажется, она может исполнять любую музыку. Чувствовать стиль композитора — это не просто. Голос проникает в этот стиль, в мир каждой героини и словно "транслирует" его в зал из области бытия самой музыки.

На снимках: Г. Горчакова — Рената, Волхова, Феврония.

Фото Юлии ЛАРИОНОВОЙ

